

Чэн Фэнтай никогда не сталкивался с такими ситуациями, когда кто-то начинал ссору в неподходящий момент. Подобное случалось с танцовщицами, но почему сейчас это было так неприемлемо? Он уже собирался ответить, но Шан Сижуй, дрожа всем телом и с покрасневшим лицом, указал на Фань Ляня:

— Ты! Повернись!

Фань Лянь на мгновение замер, но сразу же повернулся спиной. Он был настолько разозлён, что забыл о лицедее, который, казалось, был на грани обморока, но оказалось, что он полон энергии.

Шан Сижуй уже не думал о стыде, он был настолько возбуждён, что слёзы навернулись на глаза. Он легонько шлёпнул Чэн Фэнтая по лицу, заставляя его смотреть на себя:

— Ты! Двигайся! Быстрее!

Чэн Фэнтай, получив приказ, начал активно двигаться, не стесняясь присутствия Фань Ляня. Услышав тон Шан Сижую, Фань Лянь вдруг рассмеялся, покачал головой и закурил сигарету. Он думал, что Чэн Фэнтай играет с лицедеем, но оказалось, что это лицедей играет с ним! Он выполнял все приказы, а если замедлялся, получал пощёчину, как будто был собакой. Фань Лянь почувствовал удовлетворение: этот продажный тип!

Чэн Фэнтай и Шан Сижуй полностью насладились процессом, вытерлись кружевной скатертью с кофейного столика, медленно застегнули штаны, и только тогда Фань Лянь осмелился повернуться, с улыбкой разглядывая их:

— Вы двое — Симэнь Цин и Пань Цзиньянь. Вы что, приняли мой дом за чайную матушки Ван?

Чэн Фэнтай положил руку на спину Шан Сижую:

— Ну, Цзиньянь! Позови его крёстной матерью!

Шан Сижуй не принял эту шутку, его лицо оставалось серьёзным, и он молчал. Кроме покрасневшего лица, никто бы не догадался, что он только что пережил любовную сцену. Он использовал серьёзность, чтобы скрыть смущение, делая вид, что ничего не произошло, и что с Чэн Фэнтаем спал не он.

— Нет, не смейтесь надо мной! Я не достоин! — Фань Лянь замахал руками. — И заберите этот стул, у меня от него мурашки по коже.

Чэн Фэнтай и Шан Сижуй действительно привязались к этому стулу и всерьёз задумались о том, чтобы забрать его.

Фань Лянь сказал:

— Ладно, я пришёл позвать вас на обед. Внизу, наверное, уже начали есть, умойтесь и спускайтесь.

Он уже собирался уходить, но заметил на полу осколки пластинок и вскрикнул:

— Боже мой! Кто это сделал!

Шан Сижуй продолжал молчать. Чэн Фэнтай сказал:

— Это не я, я не настолько невоспитанный.

Шан Сижуй фыркнул, выражая недовольство.

Фань Лянь присел на корточки, готовый заплакать:

— Раритеты! Господин Шан! Все уничтожено! Кому это помешало? Ох, как мне больно!

Он повторял эти слова снова и снова, и в его голосе действительно слышалась боль. Эти пластинки он привёз из Пинъяна в Маньчжурию, а затем в Бэйпин. Когда Шан Сижуй гастролировал с маршалом Чжаном и командующим Цао, Фань Лянь утешал себя этими записями. Теперь их было не купить даже за деньги.

Чэн Фэнтай, стоя перед зеркалом, завязывал галстук и не обращал на него внимания. Шан Сижуй не выдержал:

— Не надо так. Я же здесь! Ты ведёшь себя, как будто плачешь на моей могиле.

Чэн Фэнтай громко рассмеялся, но Фань Лянь не мог улыбнуться.

Шан Сижуй добавил:

— И не всё уничтожено, осталась одна!

Он достал из граммофона пластинку «Сон в женских покоях» и сломал её на глазах у Фань Ляня:

— Теперь всё уничтожено.

Чэн Фэнтай не смог сдержать смеха и поцеловал Шан Сижую в висок. Фань Лянь застонал:

— Шурина! Ты совсем его избаловал! Раньше он таким не был!

Чэн Фэнтай ответил:

— Он такой сильный, я не могу его контролировать.

Шан Сижуй сказал:

— Я всегда был таким, просто раньше мы не были так близки.

Услышав это, Фань Лянь почувствовал, что звезда сцены считает его своим, и, получив несколько билетов в качестве компенсации, успокоился.

Они продолжали шутить и подкалывать друг друга. Чэн Фэнтай и Шан Сижуй умылись и привели себя в порядок. Фань Лянь, видя, что Шан Сижуй постепенно успокаивается, начал приставать, стоя у двери в ванную и наблюдая, как тот умывается, чтобы компенсировать то, что он никогда не видел, как Шан Сижуй снимает грим. Это было неправдой, ведь в Пинъяне он часто заглядывал за кулисы.

Шан Сижуй не мог ничего поделаться, брызгая водой на лицо, он сказал:

— Я не понимаю вас, что в этом интересного? Вы смотрите, как я снимаю грим, как ем лапшу.

Судя по его словам, таких любителей оперы, как Фань Лянь, было немало. В их странной одержимости каждое действие Шан Сижуй казалось достойным внимания.

Чэн Фэнтай сказал:

— Он просто невежда. Тебе вообще не нужно петь на сцене, просто выйди с миской риса и ешь перед ними!

Шан Сижуй задумался и решил, что это неплохая идея.

Фань Лянь ответил:

— Да, у меня не так много опыта, как у шурина. Господин Шан, ты видел то, что не должен был видеть.

Чэн Фэнтай посмотрел на него:

— А ты сегодня тоже видел, не так ли?

Шан Сижуй, с каплями воды на лице, резко поднял голову и уставился на Фань Ляня, готовый наброситься на него, если тот скажет, что видел его голым. Фань Лянь, поняв, что Чэн Фэнтай подставил его, испугался и быстро отрицал:

— Я видел что? Я видел только твой член!

Шан Сижуй рассмеялся и продолжил умываться, ведь Чэн Фэнтай был толстокожим, и ему было всё равно.

Чэн Фэнтай начал кривляться:

— Ах ты, мерзавец! Ты просто воспользовался мной!

Раньше он спокойно занимался любовью в своём малом особняке, и его ничего не смущало, но теперь он притворился скромником. Фань Лянь рассмеялся:

— Ты что, не знаешь? Говорят, что видеть такое — к несчастью, а ты ведёшь себя, как будто тебя обокрали!

Шан Сижуй, вытирая лицо, добавил:

— У нас в Пинъяне тоже есть такая примета, нужно порвать штаны, чтобы избежать беды!

Чэн Фэнтай хлопнул в ладоши:

— Без проблем!

Он подошёл к Фань Ляню и начал «помогать» ему избежать несчастья. Фань Лянь, будучи изнеженным молодым господином, не мог сопротивляться, и они начали бороться, создавая ужасный шум. Фань Лянь, защищая свои штаны, кричал, как девушка, охраняющая свою честь. Однако этот день рождения Фань Ляня был обречён на неудачу. Дверь открылась без стука, и вошла Фань Цзиньлин, которая замерла, увидев происходящее:

— Брат! Что вы делаете?

Чэн Фэнтай обернулся и, увидев, что Фань Цзиньлин держит за руку Чача'эр, тоже замер:

— Ничего, мы просто дурачимся. Чача'эр, как ты сюда попала? Кто тебя привёз?

Чача'эр, с двумя косичками, в светло-голубом ципао из шёлка Шу и чёрных туфлях, выглядела как современная ученица, но рядом с полностью одетой в европейское платье Фань Цзиньлин она казалась старой модницей. Её наряд был красивым, но у богатых девушек такого возраста уже не носили отдельных платьев и юбок, это считалось устаревшим.

Чача'эр отпустила руку Фань Цзиньлин и, не здороваясь ни с кем, села на кушетку, надувшись. По сравнению с тем, как Шан Сижуй видел её впервые, Чача'эр выросла в настоящую красавицу, с белой кожей и глубокими янтарными глазами, которые отличали её от брата и сестры. Она была холодно красивой, лишённой человеческого тепла. Шан Сижуй вышел из ванной, но она, казалось, забыла о нём, даже не взглянув в его сторону, и только смотрела на Чэн Фэнтая:

— Брат, ты ещё заботишься обо мне?

Чэн Фэнтай почти заискивающе улыбнулся:

— Конечно! Ты моя родная сестра, как я могу не заботиться? Что случилось, почему ты одна

приехала? Ты сказала жене?

Чача'эр, надувшись, отвернулась и молчала.

<http://bllate.org/book/15435/1368669>